

Встретились, поговорили...

С тех пор к Станиславскому и Немировичу-Данченко накопилось немало вопросов

МАРИНА ТИМАШЕВА

РОВНО сто лет назад — 22 июня 1897 года — в ныне закрытом на ремонт ресторане «Славянский базар» встретились и проговорили 18 часов родоначальники русского психологического реалистического театра — Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. Своим возникновением Московский Художественный, некогда Общедоступный, теперь Академический, театр обязан результатам того разговора. Через сто лет деятели театра встретились в его помещениях в Камергерском переулке с тем, чтобы «сговориться по тем серьезнейшим проблемам, которые неотступно встают перед творцами нового театрального искусства на рубеже XXI века».

Из обширнейшего списка приглашенных отсутствовали на новом «славянском базаре» Мэрил Стрип и Питер Штайн. Питер Брук ограничился присланным факсом: «Станиславский нанес театру огромный вред. Его раболепствующие поклонники преувеличили роль режиссера до такой степени, что сегодня уже ни один актер не дерзнет усомниться во всеобъемлющем знании и всеобъемлющей мудрости режиссера».

Ох, как неправ оказался корифей мирового театра Питер Брук. Сразу три выдающихся российских артиста — Алла Демидова, Олег Табаков и Сергей Юрский — дерзнули усомниться. Сергей Юрский к тому же подготовился к выступлению — оно получилось блистательным: «Два выдающихся человека сформулировали проект идеально-го театра... Два великих человека попытались определить законы театрального творчества... Казалось, что законы эти будут действовать всегда, как законы природы. Но XX век во всех областях жизни стал веком беззакония... Мне кажется, что мы с вами присутствуем при завершении века режиссерского своеволия. В нынешнем театре он — режиссер — единственный художник. Актеры же — краски, которые он более, а часто менее умело выдавливает на холст сценической площадки. Наблюдательные Ильф и Петров в 30-е годы едко пошутили, сочинив афишу современного театра: «Женитьба». Пьеса Гоголя. Текст Шершеляфамова. Автор спектакля — Николай Сестрин»... Актеры стремятся вырваться в «звезды». И вырываются. Это, кстати, совсем нетрудно. Куда легче, чем сыграть хоть одну роль по-настоящему хорошо. Ворвавшись в круг «звезд», актер остается тем же тубиком краски (на другое он не способен), но этот тубик теперь стоит дорого и, главное, имеет право капризничать и причинять массу мелких неудобств всем окружающим, в том числе и режиссерам... Вообще, руководящая роль оказалась слишком привлекательной, на нее многие претендуют. Театральные художники, бывшие раньше мирными травоядными,

стали проявлять повадки хищников. Они научились делать декорации, которые сами по себе рассказывают и эпоху, и содержание, и смысл спектакля. Текст и актеры — только добавка к декорации, иногда помеха ей... Та давняя старинная встреча Станиславского и Немировича-Данченко дала толчок к тому, чтобы люди театра стали властителями дум. В условиях тоталитарного общества театр заменил и религию, и философию. Власть именно исполнителей быстро производила в генералы, а творцы начинали раздражать. Интерпретаторы были предпочтительней. Тогда театр в СССР и пережил свои «звездные» годы. А теперь?»

Этим вопросом Юрский закончил свою речь, избилую противоречиями: кто же хозяин современного театра — режиссер или все-таки художник? Если предпочтительней были интерпретаторы, то о каком «звездном часе» мы говорим. А если «звездный час» — Анатолий Эфрос, Георгий Товстоногов, Юрий Любимов, Петр Фоменко, Кама Гинкас, Анатолий Васильев, Марк Захаров, Валерий Фокин — то неужто они и были интерпретаторами? Отрицая засилье на театре бездарных режиссеров, стоит ли так уповать на силы самих артистов и на созданные ими театры собственного имени — кажется, никаких особенно убедительных художественных результатов за ними пока не числится. Как бы то ни было — Юрский — единственный — произнес пламенную речь и обнажил самые болезненные вопросы, которые волнуют его собратьев по цеху. Ему не смогли противостоять объединенные силы режиссеров. Ни Кама Гинкас, ни Лев Додин, ни Анатолий Васильев не сумели переубедить аудиторию.

Кто-то спорил с Юрским, кто-то просто рассказывал о положении дел в театре его страны, кто-то продолжал выяснять, сколько лет состояли в сороте отцы-основатели Художественного театра. Иные — при всем моем к ним уважении — доводили до сведения профессиональной аудитории очевидные факты и прописные истины. Никто из ораторов не коснулся, на мой взгляд, самой животрепещущей проблемы: быть или не быть репертуарному театру, предмету национальной гордости и зависти всех иностранцев, и если быть, то каким. Только Алла Демидова произнесла несколько слов на тему: «Плюс репертуарного театра — сохранение традиций и рисунков ролей. Но традиции — враг нового искусства. Шедсвры сохранить невозможно. Нельзя повторить чужую жизнь. Накопление ролей в репертуаре — ловушка. Через два сезона очень хочется даже самую любимую роль отдать дублеру. Театр — это прежде всего спектакль — неважно, где он играется». Никто не возразил, не сослался на тех же Станиславского и Немировича-Данченко по поводу гибельности и губительности антрепризы, на спектакль «Три сестры» Немировича-Данченко, который продолжал потрясать аудиторию через

Режиссер Анатолий Васильев очень редко выступает на публике. Для юбилейного вечера во МХАТе он сделал исключение

много лет после того, как был поставлен. Никто не говорил о том, что желание артистов узаконить другие формы деятельности сплошь и рядом приводят к безобразному «чесу» — когда «звезды» зарабатывают свои гонорары в провинции, нисколько не смущаясь очевидной халтурностью всего мероприятия. Ни один человек не вспомнил о призыве М. Захарова (самоу-то ему ничего не гробит) лишить дотаций большинство действующих театров. Театральным критикам, специалистам по истории Художественного театра, вообще не предоставили слова. В списке приглашенных даже не упомянули имена Марьяны Строевой — автора трехтомного исследования о Станиславском и Любови Фрейндлиной — автора «Летописи. Дни и годы Немировича-Данченко». Спасибо, что пригласили и дали слово старейшей актрисе Художественного театра Ангелине Степановой. Результатом конференции на сей раз не станет создание новой концепции театра будущего века.

Нет ничего удивительного в том, что никто из выступавших не позволил себе уссесться в кресло Станиславского, одиноко простоявшее на сцене в течение всего действия. К нему только обращались — весьма артистично — с вопросами. Кресло безмолвствовало.